

Изольда Гердьва

Чем чарует Чарская

Пик популярности её многочисленных романов пришёлся на эпоху модерна и декаданса. Книги Лидии Чарской, тираж которых был просто огромен, зачитывали буквально до дыр. Новая власть объявила им беспощадную войну как классово и социально чуждым советскому строю и обществу. И о писательнице забыли на целые десятилетия. Но в начале XXI столетия неожиданно для всех Чарская вновь обрела славу.

Из актрисы – в писательницы

Тонкая и впечатлительная, Лидия Чарская была талантлива с раннего детства. Уже в 10 лет девочка сочиняла стихи, а чуть повзрослев, стала вести дневник. Кстати, Чарская – это её псевдоним (от «чары», «очарование»). Настоящая фамилия будущей популярной писательницы была Воронова.

Её основным и единственным, по сути, в жизни местом работы был Александрьевский драматический театр в Санкт-Петербурге. В котором с 1901 по 1924 годы она исполнила преимущественно эпизодические, совсем незначительные роли.

В итоге, несмотря на все старания и чаяния, театральная карьера Чарской так и не состоялась.

Платили за службу на подмостках Мельбюменны актрисе второго плана, естественно, совсем немного. А жизнь в блистательном Санкт-Петербурге, столице Российской империи, была отнюдь не дешёвой. К тому же у Чарской был маленький сын: в 1894 году, будучи всего 19 лет от роду, она скоропалительно вышла замуж за ротмистра лейб-гвардии 2-го стрелкового батальона Бориса Чурилова. Однако ранний брак не сложился: вскоре после рождения в 1896 году у молодой четы сына

Георгий супруг покинул жену и ребёнка и уехал к месту службы в Сибирь. И вроде бы обычная житейская история, каких тысячи. Но от этого ничуть не легче, ведь Чарской надо было банально выживать. Денег катастрофически ни на что не хватало – красивая молодая женщина и мама решила попробовать себя на литературном поприще.

«У меня с детства была такая особенность – смотреть опасности прямо в глаза», – так впоследствии отвечала Лидия Чарская на многочисленные вопросы о том, как ей удалось выстоять перед жизненными невзгодами и ударами судьбы.

Литературная слава сродни пушкинской

Первая же повесть «Записки институтки», которую Чарская написала в самом начале XX столетия на основе собственных впечатлений от учёбы в Павловском институте благородных девиц, принесла ей огромный успех и славу. Первоначально книга печаталась по частям в одном из самых популярных петербургских журналов «Задуманное слово» (его основатель Маврикий Вольф запустил также и выходивший уже более полутора веков в России журнал «Вокруг света»), свежий номер которого мгновенно расхищался, а в библиотеке за ним тут же выстраивались очереди. О новой писательнице, сразу же ставшей властительницей дум гимназисток и юных барышень, тут же заговорили. Вскоре даже была учреждена стипендия имени Лидии Чарской.

Успех Чарской-писательницы был поистине феноменальным. За два десятилетия непрерывной литературной деятельности Лидией Чарской было создано 80 повестей, 20 сказок и около 200 стихотворений.

В 1911 году ученицы женских гимназий в сочинениях на тему «Моя любимая книга» чаще всего упоминали именно произведения Чарской. Блистательная поэтесса Серебряного века Марина Цветаева в юности зачитывалась повестью Чарской «Княжна Джаваха» и даже посвятила ей стихотворение.

Многочисленные книги Чарской переводили на французский, немецкий, английский – не-

роитный триумф для любого писателя, тем более женщины: ведь эмансипация, в её робком варианте, в те годы только начиналась на просторах необъятной российской державы.

Большинство произведений Лидии Чарской были написаны в жанре увлекательной приключенческой повести – не мудрено, что читатели с нетерпением ожидали, когда новое творение выйдет из-под пера популярной писательницы. Но, несмотря на такую литературную плодовитость и всеобщую читательскую любовь, на своих произведениях Чарская-писательница так и не разбогачилась, хотя, видя устойчивый читательский интерес и непрекращающийся спрос на её книги, издатели многократно переиздавали популярную и плодовитую писательницу. А дело в том, что договоры с издательствами, печатавшими её произведения, были по сути кабальными и львиную долю доходов получали воротилы книжного бизнеса.

Накануне рокового для России 1917 года Чарская была самой читаемой детской писательницей в России; а в целом по популярности её имя уступало разве что «нашему всему» в литературе – то бишь Александру Сергеевичу Пушкину.

Основное значение и роль Лидии Чарской в изящной словесности заключались в том, что она силой своего художественного воображения создала принципиально новую литературу, которой ещё не существовало в России: увлекательное, захватывающее чтение о девочках и для девочек. И над которой оказались не властны ни политический строй, ни время.

Сама властительница душ читателей считала основной и главной задачей своего творчества нравственное воспитание. «Помните, нет на свете порока хуже лжи! Ложь – это начало всякого зла!» – так неоднократно говорила почитате-

лям своего творчества самая популярная детская писательница Российской империи последних лет её существования.

Осколок прекрасной эпохи

После революции Лидия Чарская прожила ещё целых 20 лет. Она никуда не уехала из родного и любимого для неё города на Неве. Не эмигрировала, хотя, конечно же, могла покинуть Советскую Россию. При этом страшно бедствовала, жила буквально впроголодь. Впрочем, от старых привычек и образа жизни не отказалась. Ходила в длинном, до пят, давно вышедшем из моды и к тому же сильно поношенном пальто, одном единственном, зимой, весной и осенью. Другого просто-напросто у неё не было, а приобрести было не на что. Отличалась набожностью и была искренне религиозна: в разгул воинствующего атеизма продолжала ходить в оставшиеся действующими в Ленинграде храмы и открыто крестилась на купола церквей на улице. Случайные прохожие на неё оборачивались и долго смотрели вслед – как на весьма и весьма странную, невесть откуда взявшуюся даму из какого-то прошлого мира. Собственно, именно такой она и была – из того самого, навсегда исчезнувшего «благодаря» революции мира России. Но не из её сердца.

Новая власть постаралась вычеркнуть Чарскую из общественной жизни и из людской памяти: её книги как классово чуждые строителям светлого будущего массово изымались из библиотек. В школах устраивались «показательные суды» над Чарской. В 1920 году была составлена «Инструкция политико-просветительского отдела Наркомпроса о пересмотре и изъятии устаревшей литературы из общественных библиотек», в списке которой упомянуты книги Чарской. Самым обидным для советской школьницы тех лет могло стать обвинение в том, что она похожа на институтку из книг Чарской.

А книги Чарской, увлекательно описывающей быт и жизнь «бывших» представителей, классово чуждых новому строю, всё равно оставались невероятно популярны. В том числе и среди детей из рабоче-крестьянских семей.

Романами Чарской зачитывались даже пионерки, у которых подобная литература должна была вроде бы вызывать стойкое отторжение

ДАЛЕКОЕ – БЛИЗКОЕ

Их всё равно читали заповсем, правда, теперь уже тайком, украдкой. Романами Чарской зачитывались даже пионерки, у которых подобная литература должна была, по идее творцов коммунистического рая, вызывать если уж не отвращение, то стойкое отторжение точно. На практике же получалось ровно наоборот.

Вдова основателя первого в мире пролетарского государства Надежда Крупская, запретившая вскоре после прихода к власти большевиков ставить в домах новогодние ёлки и лишившая детей и взрослых по всей стране замечательного семейного праздника, язвительно отзывалась о популярности романов Лидии Чарской в Стране Советов и предлагала комплекс мер для нейтрализации её влияния на умы и души юных строителей светлого будущего:

«Надо, чтобы была создана критическая литература для ребёнка, написанная самым простым языком, понятным для ребят. Тогда, если ребёнок увидит, что не учитель ему говорит: «Не смей читать Чарскую», – а сам прочитает об этом и поймёт, что Чарская плоха, она потеряет для него интерес. Мы Чарскую слишком рекламируем тем, что запрещаем её. Держать её в библиотеке ни к чему, конечно, но надо, чтобы у самих ребят выработалось презрительное отношение к Чарской».

Но даже у многих советских писателей, читавших украдкой книги Чарской в детстве, на всю жизнь сохранились о произведениях писательницы прекрасные воспоминания. Вот что говорила о её творчестве известная советская поэтесса Юлия Друнина: «Есть, по-видимому, в Чарской, в её восторженных юных героинях нечто такое – светлое, благородное, чистое, – что трогает в неискушённых душах девочек самые лучшие струны, что воспитывает в них самые высокие понятия о дружбе, верности и чести».

Леонид Пантелеев вторит Друниной в анализе впечатлений от книг Чарской: «Сладкое упоение, с каким я читал и перечитывал её книги, отголосок этого упоения до сих пор живёт во мне – где-то там, где таятся у нас самые сокровенные воспоминания детства, самые дур-

Лидия Чарская, 1910-е гг.

манящие запахи, самые жуткие шорохи, самые счастливые сны».

...В наши дни, в век искусственного интеллекта и всеобщего поклонения гаджетам, романы Лидии Чарской вновь обрели своего читателя: умные и интеллигентные мамы и бабушки дарят их своим дочкам и внукам. Ибо книги этой талантливой писательницы переносят нас из сегодняшнего мира сумасшедших скоростей и немислимых технологий в ушедшую и прекрасную эпоху, в которой хоть на миг хотел бы оказаться любой из нас. В то немислимое далёко, где, пусть только на страницах романов, царят добро и справедливость, где и в помине нет присущего нашему времени постоянного стресса с его вечным страхом куда-то опоздать и что-то не успеть, туда, где помыслы и поступки людей определяются не выгодой и эгоизмом, а жертвенны и благородны.